

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

С. Н. Иванов

К ПРОБЛЕМЕ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(Изяснительные причастные конструкции
в узбекском языке и вопрос о трансформах)

В современных тюркских языках система атрибутивных причастных конструкций является весьма разветвленной и обладает способностью выражать многообразные определительные отношения. В узбекском языке среди атрибутивных конструкций с причастием *-ган* (*-ётган*, *-диган*) имеются обороты с изяснительным значением по отношению к определяемому, т. е. такие конструкции, в которых определяемое раскрывается посредством причастного оборота по содержанию. Например: *Бунақа ёлғон гапирадиган одатингиз йўқ эди-ку!* (А. Қаҳҳор) 'Ведь у вас прежде не было обыкновения говорить подобную ложь!' ¹

Конструкции указанного типа употребляются реже других разновидностей атрибутивных оборотов с причастиями, но наличие модели причастного оборота с изяснительными отношениями несомненно.

Представляется интересным осмыслить место изяснительных оборотов в системе атрибутивных конструкций с причастиями, в частности и в связи с вопросом о придаточных предложениях и так называемых трансформах ².

¹ Обороты этого типа в общем виде описаны автором настоящей статьи. См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные). Л., 1959, с. 59—60. См. также: Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967, с. 17—20.

² О трансформах см.: В. В. Виноградов. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка». — ИАН СССР, ОЛЯ. Т. 13. 1954, вып. 6, с. 504; Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940, с. 123; он же. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Института языка и литературы АН КиргССР». Вып. 6. Фрунзе, 1956, с. 95—96; С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 86—88; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 207—334.

Исследованиями, посвященными причастным оборотам в узбекском языке, установлено, что при всем многообразии типов атрибутивных причастных конструкций они вполне поддаются сведению к ограниченному числу разновидностей, различающихся характером значения определяемого по его отношению к предшествующему причастию. Эти разновидности образуют собою следующий «закрытый список»:

1) определяемое — субъект действия, обозначенного причастием (тип: *ўқиган бола* ‘учившийся / читавший ребенок’);

2) определяемое — объект действия, обозначенного причастием (типы: *ўқиган китобим / мен ўқиган китоб* ‘книга, которую я читал / изучал’; *кирган мактабингиз / сиз кирган мактаб* ‘школа, в которую вы поступили’ и т. п.);

3) определяемое — место действия, обозначенного причастием (тип: *ўқиган мактабинг / сен ўқиган мактаб* ‘школа, в которой ты учился’);

4) определяемое — время действия, обозначенного причастием (тип: *ўқиган вақтимиз / биз ўқиган вақт* ‘время, когда мы учились’);

5) определяемое — существительное, связанное отношениями принадлежности с одним из членов атрибутивного оборота (тип: *боласи яши ўқиган одам* ‘человек, ребенок которого хорошо учился’);

6) определяемое — существительное, раскрываемое атрибутивным оборотом по содержанию, т. е. и з ъ я с н я е м о е им (тип: см. пример, приведенный выше)³.

Характеристике последней из перечисленных разновидностей атрибутивных оборотов и ее места в системе причастных конструкций и посвящена настоящая статья.

Изъяснительные атрибутивные обороты рассматриваемого типа формируются главным образом причастием на *-диган* (а) и реже — *-ган* (б):

а) *Олахўжа уни ўз эшигига ёрдам сўраб келадиган бир аҳвола солиб қўймоғчи экан* (П. Турсун) ‘Алаходжа, видимо, хочет довести его до такого состояния, чтобы тот пришел к нему на порог просить помощи’. *У қўлидан келса ҳаммани бу ердан ҳайдаб чиқарадиган бир авзода эди* (П. Турсун) ‘Он был в таком настроении, что, если бы это было в его власти, он всех бы выгнал отсюда’. *У ҳар ишни уддалайдиган тадбирли, баҳодир йигит бўлиб етиштипти* (Ўзбек халқ эртаклари) ‘Он вырос таким рассудительным и храбрым юношей, что мог справиться с любым делом’. *Бу мадраса шаҳарнинг узоқ бурчагида ва чўндан қурилгани учун бузилиб кетган ва ҳужралари туриб бўлмайдиган ҳолга келган эди*

³ Подробнее об этом см.: С. Н. И в а н о в. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 49—60, 73—81.

(С. Айний) 'Так как это медресе было построено в дальнем углу города и на отшибе, оно пришло в такое состояние, что кельи его стали непригодны для жилья'. *Менинг кўзимда ҳарбир қимирлаганнинг кўнглида нима борлигини кўрадиган нур пайдо бўлгандай*. . . (П. Турсун) 'В моих глазах словно бы появился свет, позволявший видеть, что заключено в сердце каждого живого существа. . .' *Аммо бунинг сингари тўй-никоҳларнинг «енг ичида», биров билиб, биров билмайдиган бир йўсинда бўлишига ишонгани учун, ташвиши зўраяр, ҳовлиқар эди* (Ойбек) 'Но так как он был уверен, что свадьбы, подобные этой, совершаются втайне, таким порядком, что один знает, а другой не знает, озабоченность его усиливалась, и он волновался'. — *Бормайсизми? — деди худди ҳозир яладиган бир вазоҳатда, — бормайсизми?* (А. Қаҳҳор) '— Не пойдете? — сказала она с таким видом, будто вот-вот вцепится в лицо, — не пойдете?' *Худо осин, қур'он ўқитилмайдиган ўқиш ҳам ўқиш эканми?* (П. Турсун) 'Боже милостивый, разве это учение, когда не обучают чтению Корана?' . . . *кун оқариб юз қадамдан одам, одамни танийдиган даражага етган эди* (С. Айний) ' . . . посветлело в такой степени, что уже человек человека смог бы узнать на расстоянии в сто шагов'. *Шомдан кейин кўрпага кирадиган одатим бормиди?* (Ойбек) 'Разве у меня есть обыкновенные забираются под одеяло сразу же после вечера?'

б) — *Йўқ, менга сира ушшамайди, — деди Шарофатбиби шикоятланқираган оҳангда* (Ойбек) '— Нет, она совсем не похожа на меня, — сказала Шарафатбиби таким тоном, словно бы она жаловалась'. — *Шундоқдир-да, — деди Сидиқжон ўзини ўзи калака қилган бир оҳангда, — одамни рафлат босса шундоқ бўлар экан* (А. Қаҳҳор) '— Вот так, — сказал Сыдыкджан таким тоном, как будто подтрунивал над самим собой, — так бывает с человеком, когда им овладевает косность'. *Ҳа, энг оғир пайтларда, ҳарийб иложсиз қолган шароитларда жангчиларга чолнинг сўзларини айнан айтиб бериб, уларни руҳлантирдим* (Ойбек) 'Да, в самые трудные времена, в условиях, когда почти совсем не было выхода, я пересказывал бойцам в точности слова старика и воодушевлял их этим'. *Офтобнинг қизишидан экин сўлиб, шалпайиб сусайган аломати кўринабошлагач, уни бир марта суғорди* (С. Айний) 'Когда начали появляться признаки того, что от нагрева солнца всходы вянут и, обвисая, слабеют, он их полил один раз'. *Улар Мирҳайдарни звено бошлиқларидан бирига ниманидир қаттиқ-қаттиқ уқдириб турган ҳолда учратдилар* (Ойбек) 'Они встретили Мирхайдара, когда он что-то очень резко объяснял одному из звеньевых'.

Изыскательные обороты формируются также посредством грамматикализованного причастия *деган*. Здесь лексическое значение глагола *де-* 'говорить', уже в значительной степени ослабленное, использовано для того, чтобы раскрыть последующее слово

(определяемое), как и в других типах изъяснительных конструкций, по содержанию:

Унинг «*Ҳақиқат осмонда эмас, ерда*» деган гапларини эслади (П. Турсун) 'Он вспомнил его слова о том, что правда не на небе, а на земле'. «*Отам ҳам менинг ногора чалишимни кўрмоқчи бўлган*» деган фикр кўнглимга келиб ғурурим яна ҳам ортди (С. Айний) 'Мне пришла мысль о том, что, наверное, отец тоже хочет видеть, как я буду играть на барабанах, и гордость моя еще более возросла'. *Менга ҳам «муддатидан илгари озод қилинди» деган ғоғоз қилдириб бердилар* (П. Турсун) 'Мне тоже выдали бумагу, гласившую: «освобожден досрочно»'.

Определяемые в оборотах подобного рода — слова со значением устного, мысленного или письменного выражения речи.

Наряду с приведенными здесь образцами изъяснительных конструкций, где в качестве определяемых используются полнозначные слова, употребляются также и такие их разновидности, при которых определяемые — слова, лексически опустошенные: *тур, тус, кўй, қиёфа* и т. п., т. е. имеющие отвлеченное значение («образ», «вид», «способ», «форма» и т. п.):

Бирпас шабадаланг, — деди чол ачинган бир тур билан Сайрамовага қараб (Ойбек) 'Проветричь-ка немного, — сказал старик с огорченным видом, глядя на Сайрамова'. *Бедана эмиш!* — *қойинган тусда деди раис* (Ойбек) 'Перепелов ему подавай! — бранчливо сказал председатель'. *Оқсоқол чойдан яна ҳўплади ва пиёлани ушлаган кўйи одамларни кўздан кечириб. . .* (П. Турсун) 'Старик снова отхлебнул чаю и, все еще держа пиалу, оглядел людей. . .' *Шундай, — деди Ойимхон ва аёлга қараб ўқсинган бир қиёфада уқдирди. . . .* (П. Турсун) 'Вот так-то, — сказала Айимхан и, глядя на женщину, пояснила с обиженным видом. . .'

В словосочетаниях этого последнего типа удельный вес определительного оборота семантически значительнее, нежели таковой же у определяемого: лексически выхолощенное определяемое обозначает здесь не слово, уточняемое посредством атрибутивного оборота, а нечто производимое самим действием, выраженным в причастии.

Полностью грамматикализованными являются причастные обороты с определяемыми, выраженными словами типа *қол* 'положение', 'состояние', *тарз* 'форма', 'манера', 'способ', *вазият* 'положение', *равиш* 'образ', 'вид', 'способ':

Ҳолмурод ўрнидан турди-да, юзи бироз жилмайган, кўзлари чақнаган ҳолда чўзди: А-а-а (П. Турсун) 'Халмурад встал со своего места и с улыбающимся лицом и сверкающими глазами протянул: А-а-а'. *У эса уялган бир тарзда Ҳолмуродга қаради* (П. Турсун) 'А она смущенно посмотрела на Халмурада'. *Узоқ кутиб зериккан ва толиққан бир вазиятда турган Шарофат. . .* (А. Қаҳҳор) 'Шарафат, которая из-за долгого ожидания стояла скучая и то-

мясь. . . ' . . . *кутилмаган равишида бирдан хўмрайиб*. . . (П. Турсун) ' . . . вдруг, неожиданно нахмурившись. . . '

Грамматикализация конструкций этого типа проявляется в том, что, во-первых, определяемое в них всегда имеет форму местного падежа и, во-вторых, субъект действия в них, обычно не обозначаемый, так как он совпадает с субъектом действия конечной глагольной формы, при необходимости его особого обозначения (например, в уступительных оборотах) выражается аффиксом принадлежности при самом причастии, а не при определяемом, как это имеет место в других типах атрибутивных конструкций с причастиями (ср.: *ўқиган мактабим*, но — *ўқиганим ҳолда*)⁴:

. . . *Ҳабиба 20 айшар бўлгани ҳолда отаси нега уни ҳозиргача эрга бермаган?* (С. Айний) ' . . . Если Хабибе 20 лет, то почему отец до сих пор не выдал ее замуж?'

Причастные обороты с изъяснительным значением причастия по отношению к определяемому засвидетельствованы и в памятниках староузбекского языка⁵.

В начале статьи были перечислены все разновидности частных оборотов, различающиеся по характеру отношения определяемого к причастию. Анализ всех возможных при причастии типов определяемого приводит к одному принципиально важному выводу: диапазон допускаемых причастиями определяемых тесно связан с падежной системой. В позиции определяемого при причастии употребляются такие имена существительные, которые при «обратной» связи с глагольной формой (т. е. не «причастное определение + определяемое», а «зависимое слово + глагольная форма») могут иметь при управляющем глаголе форму любого падежа (основной без послелога и с послелогом *билан*, винительный, дательный, исходный, местный). Ср.:

<i>ўқиган китоби</i>	<i>у китоб(ни) ўқиди</i>
'книга, которую он читал'	'он читал книгу'
<i>келган уйи</i>	<i>у уйга келди</i>
'дом, к которому он пришел'	'он пришел к дому'
<i>қўрққан ҳодисаси</i>	<i>у бу ҳодисадан қўрқди</i>
'событие, которого он боялся'	'он боялся этого события'
<i>гапирган тили</i>	<i>у бу тил билан гапирди</i>
'язык, на котором он говорил'	'он говорил на этом языке'
<i>ўқиган мактаби</i>	<i>у бу мактабда ўқиди</i>
'школа, в которой он учился'	'он учился в этой школе'
<i>ўқиган вақти</i>	<i>у бу вақтда ўқиди</i>
'время, когда он учился'	'он учился в это время'

⁴ Подробнее об этом см.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 117—119, 124.

⁵ См.: С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Таш., 1969, с. 128.

Интересно в этом плане, что и родительный падеж, который, как известно, в тюркских языках не управляется глаголами, дает своеобразный «рефлекс» в область причастных оборотов: в конструкциях типа *боласи яхши ўқизган одам* определяемое при «обратной» структуре имело бы форму родительного падежа (*бу одамнинг боласи яхши ўқиди*).

Изъяснительные обороты в этом плане стоят совершенно особняком: их невозможно преобразовать в «обратную» структуру с управляемой падежной формой. Приведенный выше пример изъяснительного оборота *Бунақа ёлгон гапирадиган одатингиз йўқ эди-ку!* и подобные ему (см. другие примеры) представляют собой объединение в одном предложении двух предложений, например: *Бунақа одатингиз йўқ эди-ку! Бурун ёлгон гапирмас эдингиз* 'у вас ведь не было такого обычновения! Прежде вы не говорили подобную ложь'.

Этот факт подтверждает собою то, что современные изъяснительные конструкции являются результатом высокого развития самой модели определительных причастных оборотов. Обороты изъяснительного типа возникают не в результате распространения первоначально простого определения, а на базе уже широко развитых в языке атрибутивных оборотов, являя собою такой тип конструкций, где не определяемое распространяется и уточняется посредством определения, а само определяемое выступает лишь как грамматическая опора самостоятельного в смысловом отношении оборота ⁶.

⁶ Некоторые положения, связанные с предложенной выше интерпретацией изъяснительных оборотов, подверглись критике со стороны Е. А. Поцелуевского (см.: Е. А. П о ц е л у е в с к и й. Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации. — Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, с. 189—218; о н ж е. Тюркский трехчлен, с. 18—25). Однако критика Е. А. Поцелуевского основана на недоразумении. Он критикует отдельные положения моей статьи «Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ган* в узбекском языке» (ВЯ. 1957, № 2, с. 103—107) и считает характеристику изъяснительных оборотов в ней недостаточной. Е. А. Поцелуевскому кажется, что изъяснительные обороты трактуются мною как отклонение от общей системы причастных конструкций, и он предлагает свое объяснение их (Е. А. П о ц е л у е в с к и й. Тюркский трехчлен, с. 19). Но в «Очерках по синтаксису узбекского языка», на которые Е. А. Поцелуевский не ссылается, содержится характеристика изъяснительных оборотов именно как полноправного члена всей системы причастных конструкций и дается такое их определение (с. 59—60), с которым полностью совпадает и определение самого Е. А. Поцелуевского. То же можно сказать и о критике Е. А. Поцелуевским моих взглядов на обороты с показателем относительной связи и на залоговые отношения в причастиях (Тюркский трехчлен, с. 20—25): все то, что Е. А. Поцелуевский считает не отраженным в упомянутой моей статье, нашло объяснение в «Очерках. . .», причем выводы самого Е. А. Поцелуевского частью близки к моим, а частью и совпадают с ними. В одном случае (Тюркский трехчлен, с. 22) критиком приписывается мне взгляд, который совершенно не разделяется мною (см. Очерки. . ., с. 49—81).

Истолкование изъяснительных причастных оборотов как определенного типа зависимых глагольных конструкций имеет отношение также к давнему и запутанному в тюркологии вопросу о придаточных предложениях ⁷.

На современном уровне изучения грамматики, т. е. на уровне теоретического изучения системы грамматических фактов, уже просто невозможно вести дискуссию о том, что является и что не является в тюркских языках придаточными предложениями, на прежних основаниях, так как основа споров об этом носит не сущностный, а терминологический характер. Как правило, тюркологи ищут в строе тюркских языков различные типы придаточных предложений в том понимании последних, какое сложилось на основе изучения языков иного строя. Между тем более основательным в этом вопросе был бы метод, при котором без какого-либо внимания к терминам как таковым выявлялись бы система зависимых глагольных конструкций и отношения различных типов их друг к другу (а не к типам придаточных предложений других языков, как это обычно делается), а потом уже подыскивались бы наиболее удачные названия для них.

Автор настоящей статьи полагает, что приемлемым способом истолкования зависимых глагольных конструкций, в том числе и причастных оборотов в тюркских языках, мог бы явиться такой метод, при котором осуществлялся бы единый подход к языкам различного строя, различных синтаксических систем. Эта точка зрения исходит из того бесспорного положения, что придаточные предложения и в тех языках, где выделение их не встречает каких-либо принципиальных затруднений, не являются самостоятельными коммуникативными единицами и что «обычное определение предложения нельзя прилагать к придаточному предложению, которое не выражает в процессе коммуникации определенной законченной мысли. . .» ⁸. Коммуникативная «неполноценность» зависимых глагольных конструкций в языках различного строя неизбежно будет в структурном отношении проявляться по-разному. Следовательно, задача исследователя состоит в том, чтобы изучать в строе языка те признаки его структуры, в которых отражается коммуникативная несамостоятельность зависимых конструкций ⁹. Такой взгляд на задачи изучения зависимых конструкций был сформулирован В. В. Виноградовым, который считал, что при изучении типов сложного предложения необходимо в числе прочих признаков учитывать, «. . . как де форми-

⁷ Сводку мнений по этому вопросу см.: Е. А. У б р я т о в а. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1. Новосибирск, 1976, с. 67—100.

⁸ Н. С. П о с п е л о в. О грамматической природе сложного предложения. — Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 323.

⁹ Подробнее об этом см.: С. Н. И в а н о в. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 81—88.

р у ю т с я разные виды простых предложений, становясь структурными частями сложного предложения»¹⁰, и «... какие другие средства, кроме интонации, союзов и союзных слов, участвуют в соединении и сочетании частей сложного предложения»¹¹.

В тюркологии такой подход к истолкованию причастных оборотов был обоснован Н. А. Баскаковым, который еще в 1940 г. отмечал, что простые предложения, становясь частями более сложного синтаксического единства, «... т р а н с ф о р м и р у ю т с я в определенные сочетания»¹². Аналогичным образом — в духе теории трансформации — трактовал причастные обороты в узбекском языке и автор этих строк¹³. В последнее время теория трансформации нашла последовательное освещение в работах Н. З. Гаджиевой¹⁴. Убедительность теории трансформации (или деформации) простых предложений в части сложного синтаксического целого состоит в том, что она одинаково пригодна для всех языков, для языков с различным синтаксическим строем.

В тюркских языках наличие зависимых трансформ с причастиями обусловлено и таким свойством причастий, которое было названо мною их «двойкой ориентацией» — на определяемое и на субъект выражаемого ими действия¹⁵. Если с этих позиций подойти к рассмотренным выше изъяснительным оборотам с узбекскими причастиями, то легко убедиться, что они и представляют собой типичный образец трансформации самостоятельного предложения в часть более сложного синтаксического единства: *Мен қийин вазиятда эдим. Мен пул қарзга олишим керак эди* 'Я был в затруднительном положении. Мне нужно было взять деньги в долг'. *Мен пул қарзга оладиган даражада қийин вазиятда эдим* 'Я был в столь затруднительном положении, что должен был взять деньги в долг'.

¹⁰ В. В. Виноградов Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка», с. 504 (разрядка моя. — С. И.).

¹¹ Там же, с. 505 (разрядка моя. — С. И.).

¹² Н. А. Баскаков Ногайский язык и его диалекты, с. 123.

¹³ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 87—88. Е. И. Убрятова неправильно поняла мою точку зрения, полагая, что главным в ней является отрицание придаточной сущности причастных оборотов и что я будто бы противоречу своим же утверждениям о природе причастий (Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, с. 99). Главным в моей позиции по этому вопросу было разделяемое мною и теперь мнение, что можно найти доводы и за и против признания причастных оборотов придаточными предложениями, но поиски таких доводов — в принципе неверный путь (от термина к сущности, а не наоборот).

¹⁴ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с. 207—334; она же. Трансформация как способ выражения подчинительных отношений в тюркских языках. — «Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР». Вып. 34. Чебоксары, 1967, с. 117—129.

¹⁵ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 88—90.